

Евгений Терновский

ПУШКИН И ГОНЧАРОВЫ

*Русская мысль. — Париж.
1996. — 23 мая. — с 10.*

Окончание. Начало в «РМ» №4126.

Доверие и любовь достигают почти патетической ноты в другом письме, в котором, между прочим, Наталья Николаевна повествует о своих трудностях с откровенностью, достойной исповеди:

“Дела мои ни хороши, ни плохи. У меня всего 18.000 рублей дохода. Впрочем, этого было бы достаточно, но здесь тягостно, особенно сейчас, чем дальше, тем тяжелее. Дети растут. Маше 8 лет, и пора доверить ее воспитателям, но чем с ними расплачиваться? На самое необходимое уже не всегда хватает, подчас голова у меня кругом идет, положение мое отнюдь не завидно. Редки те дни, когда сердце у меня не щемит. Зачем я тебе говорю об этом и жалуюсь? Будь весела и счастлива и прости меня за мои откровения, это у меня случайно вырвалось. Я не допускаю мысли, что могу разделить свое горе с кем бы то ни было...”

Любопытно отметить, что в письме Наталья Николаевна говорит о тетушках Загряжских, в том числе о той, которой обычно приписывают крайне враждебные чувства по отношению к Екатерине после смерти Пушкина: “Твоя сестра (Александрина. — Е.Т.) передала от тебя послание тетушкам, обе тебя благодарят...” До сих пор пушкиноведы полагали, что фрейлина Загряжская предала Екатерину проклятию, не пожелала видеть ее перед отъездом, обвиняя в дерзком поведении, особенно за ту возмутительную фразу, будто бы произнесенную племянницей: “Я прощаю Пушкину...”

Нет, решительно Гончаровы никогда не отличались склонностью к семейным ссорам или разрывам! Неизвестно, поддерживала ли фрейлина Загряжская переписку с Екатериной (я не буду удивлен, если когда-нибудь что-то из этой переписки выплывет на поверхность), но не подлежит сомнению, что для Загряжской

Екатерина навсегда осталась одной из клана Гончаровых—Загряжских, и утверждать, что кто-то из них может разорвать столь священные узы, — значит не оценить по достоинству удивительную солидарность этого клана.

Но еще важнее для понимания отношения этого клана к истории дуэли — это единственное в своем роде свидетельство, правда, произвольное, оставленное фрейлиной Загряжской и увековеченное записью императрицы Александры Федоровны, жены Николая I.

Эта запись давно известна; впервые ее опубликовала Э.Герштейн в 1962 году, но советские пушкиноведы крайне редко и неохотно ее цитировали. Их стеснение легко объяснимо: безапелляционное обвинение Пушкина как зачинщика дуэли исходило из уст непосредственной родственницы и наиболее влиятельной дамы клана.

Вот эта запись (от 28 января 1837 г.): “Плохо спала, разговор с Бенкендорфом, полностью за Дантеса, который, мне кажется, вел себя как бедный рыцарь. Пушкин, по словам Загряжской, как грубиян”. (В оригинале “wie ein grober Kerl”. — Е.Т.)

В тот же день, 28 января, императрица пишет письмо графине Бобринской, ближайшей подруге и confidentке. Софи Бобринская, урожденная графиня Самойлова, была видной великосветской дамой, имевшей большое влияние в придворных кругах. Ныне известно ее крайне отрицательное отношение к Пушкину.

“Нет, нет, Софи, какой конец этой печальной истории между Пушкиным и Дантесом. Один ранен, другой умирает. Что вы скажете? Когда вы узнали? Мне сказали в полночь, я не могла заснуть до 3 часов, мне все время представлялась эта дуэль, две рыдающие сестры, одна жена убийцы другого. — Это ужасно, это страшнее, чем все ужасы модных романов. Пушкин вел себя непростительно, он написал наглые письма Геккерну, не оставив ему возможности избежать дуэли. Сего любовью в сердце стрелять в мужа той, которую он любит, убить его, — согласитесь, что это положение превосходит все, что может подсказать воображение о человеческих страданиях. Его страсть должна была быть глубокой, настоящей”.

В этом письме есть два очень важных аспекта. Мало свидетельств того времени, когда обвинения выдвигались против Пушкина, когда его именовали подстрекателем дуэли и ее кровавого исхода. Мало их не потому, что современники возлагали ответственность на Дантеса. В нравах того времени не полагалось обвинять или публично осуждать того, кто стал жертвой, этого не позволяло чувство приличия. Обвинительное восклицание одной дамы: “Как он мог забыть, что он муж и отец семейства!” — было редкостью.

Но это вовсе не означает, что об этом не думали. Такое неодоб-

Глава из книги “Pouchkine et la tribu Gontcharoff”. Paris, Klincksieck, 1992. Перевод с французского автора.

рение, если не осуждение, было бы единокрутным, если бы жертвой стал Дантес, а не Пушкин. Императрица могла позволить себе в письме к близкой подруге сказать то, что чувствовали многие, если не все, и в первую очередь Гончаровы.

Вот почему на протяжении десятилетий в переписке этой семьи дуэль и ее последствия никогда не упоминаются. Имя Пушкина в ней отсутствует, вокруг него навсегда воцарилось ледяное молчание. Для Гончаровых—Загряжских вопрос оскорбленной чести Пушкина имел мало значения и не шел ни в какое сравнение с заботами о благополучии их семейства.

А это благополучие было разрушено непримиримостью поэта, Гончаровым совершенно непонятной. Они должны были видеть в анонимных письмах (содержание которых, я думаю, им не было хорошо известно) лишь шутку дурного вкуса, не заслуживающую, чтобы ее принимали во внимание. Особенно, если дело касалось святой святых — благополучия их семейства. Их симпатии, несомненно, были на стороне нового родственника, составившего счастье Екатерины...

Полвека спустя после дуэли Густав фон Фризенгоф, муж Александрины, осторожно писал о том, что "осуждение за трагическую развязку падало не на одного только Геккерна, но, несомненно, и на уснувшего".

За пятьдесят лет Александрина Гончарова, вдохновительница этого свидетельства (Фризенгоф лично Пушкина не знал), может быть, и приблизилась к пониманию вины Геккернов; но, без всякого сомнения, в 1838 году "осуждение за трагическую развязку" в кругу Гончаровых падало лишь на Пушкина.

Наталья Николаевна Пушкина.

Тем не менее, кроме сообщения Фризенгофа, пушкиноведам до сих пор неизвестно ни одно осуждающее Пушкина свидетельство, которое исходило бы из клана Гончаровых—Загряжских, и я не думаю, что когда-нибудь можно будет найти его, — по причинам, упомянутым выше.

Но косвенное подтверждение этой тайной вражды Гончаровых к памяти Пушкина возможно, и отзвук его я слышу в письме Ивана Гончарова, отправленном шурину в 1843 году, после получения известия о смерти Екатерины.

Тон этого письма особенно трогателен. В этом письме я вижу истинное отношение всех Гончаровых к Жоржу Дантесу и в некотором отношении — к Пушкину.

"Чего бы не дал я в эту минуту, — пишет Иван, — чтобы обнять вас как брата, выразить вам признательность за годы счастья, увы, слишком краткие, которые вы дали нашей бедной Екатерине. Она умела хорошо платить вам за вашу любовь! Теперь я могу особенно благодарить Бога за то, что Он дал мне счастье увидеть вас вместе и собственными глазами убедиться в согласии, мире и безмятежности, которые царствовали в вашем доме. Да, словно бальзам проливается мне на сердце, когда я думаю, что Екатерина была счастлива с вами и благодаря вам... Мой добрый Жорж, пишите мне, я с нетерпением жду известий от вас, расскажите мне о себе, о моих дорогих племянниках, откройте ваше благородное сердце, и, поверьте, я сумею понять и оценить излияния вашей больной души. Мы будем плакать вместе, и, может быть, это смягчит вашу боль... Будем сердечными друзьями, какими мы были в наши последние встречи... Прощайте еще раз, мой любимый Жорж, пишите мне, этим вы ответите на братскую привязанность, которую я к вам испытываю" (оригинал по-французски. — Е.Т.)

Анна Ахматова заканчивает статью "Гибель Пушкина" такими словами: "Как бесконечно одинок был Пушкин все это время, до какой степени вялым и неудачным было поведение друзей..."

Но прежде всего Пушкин должен был чувствовать себя бесконечно одиноким в своей собственной семье, счастье и честь которой были им в некотором роде принесены в жертву беспощадному клану Гончаровых, на протяжении этой тягостной истории умевшему вынуждать поэта на непоследовательные действия, на уступки, столь же серьезные, сколь и ненужные.

Ибо главное для этого семейства было их благополучие, каких бы жертв от других оно ни требовало. И это благополучие Пушкин разрушил, чего Гончаровы ему никогда не простили. Так и не поняв, так и не признав своей вины, они до конца сохранили скрытую враждебность.

Вильнёв д'Аск (Франция)

Русская мысль. - Париж - 1996. - 23 мая. - с. 11.